

**Н. В.
УСПЕНСКИЙ**

Николай Васильевич Успенский

Из дневника неизвестного

«В проливные дожди в разбитые окна барского дома гудит ветер. Барышня кутается в ватное пальто; барыня перебирает мешки и тоже зевает. Но иногда, несмотря на дождь, барыня отправляется куда-нибудь на таратайке и привозит целый воз моркови, репы, и все в доме оживает...»

**Николай Васильевич
Успенский**

Из дневника неизвестного

Май... В деревню, в деревню! Пора вздохнуть на просторе. Я рассчитывал прожить в деревне, сколько возможно, сняв квартиру у какого-нибудь крестьянина. Въехавши в одно село, я попросил ямщика остановиться у первой хаты. Ко мне вышел мужик; я поклонился ему и спросил:

– Не могу ли я у вас нанять квартиру?

– Не знаю, родной: у нас есть холодная изба, да понравится ли вам? Вы чьи?

– Я из Петербурга. Я не занимаю никакой должности. Мне хотелось пожить в деревне.

Мужик пригласил меня в избу, наполненную кадушками, пенькою и разным тряпьем.

– Мне нравится эта комната, – сказал я, – позвольте мне ее занять.

Бабы начали выбирать из избы рухлядь. Со мной был самовар, который вскоре шумел на столе.

На другой день я познакомился с семейством хозяина. Изба была набита поросятами и ползающими детьми.

К вечеру я собрал в деревне до десяти мальчиков и открыл в своей квартире школу.

Недавно был в одной крестьянской избе:

толковали о работе, пряли, ссорились. Все семейство упрекало друг друга, кто сколько поел хлеба; одна больная баба стонала на полотах; парень говорил своей матери-старухе, что нет денег на подушное; старуха говорила, что хлеб на исходе. И это, вероятно, идет каждый день!..

Июнь... В наших окрестностях живет следующая барыня. Дом ее с заглохшим садом, покосившимися столбами на подъездах и разбитыми рамами.

Барыня ходит в кацавейке. У ней есть дочь лет двадцати пяти, некрасивая собою; она ничего не читает, больше сидит в девичьей – играет в носы и вслушивается, не звенит ли колокольчик на улице?

В кабинете барыни груды холстов, намычек⁽¹⁾, картофелю. Здесь барыня ведет разные сметы по имению или штопает чулки и поглядывает, не идет ли на ее огород чья-нибудь корова. Заметки свои она не бережет, и мне раз пришлось прочитать из них следующее:

«...За 18... год. Август, сентябрь.

Ермолай Антонов: восемь человек семьи, одна корова (пятого августа отелилась); де-

сять кур, два петуха (один из них похож на индюшку). Ржи восемь копен, гречиху поел осенью; хохлатая курица непокойна – летает на мои огурцы; корова бывает в моем коноплянике...»

Однажды я разговорился с дочерью барыни:

– Читатете ли вы? – спросил я.

– Нет-с, у нас книг нет...

– Любите ли вы природу?

Она молчала. Молчание продолжалось долго. Наконец, она принесла свой альбом и сказала:

– Вы, вероятно, скоро уедете, напишите мне что-нибудь – на память.

Я взял альбом, исписанный разными руками, и, пока обдумывал, что написать, моим глазам представились следующие заметки:

Капитан Пряников. Жал руку в саду, уехал на Кавказ... Жду...

Поручик Кошкин. Обедал два раза... усы длинные... Изменил!..

Прапорщик Огнев. Много пьет... подает надежды...

Поручик Иголкин. Нет надежды...»

В проливные дожди в разбитые окна барского дома гудит ветер. Барышня кутается в ватное пальто; барыня перебирает мешки и тоже зеваёт. Но иногда, несмотря на дождь, барыня отправляется куда-нибудь на таратайке и привозит целый воз моркови, репы, и все в доме оживает.

Иногда несколько горничных вбегают к барыне и кричат:

– Барыня! офицер едет!

– Офицер едет! – вскоре раздаётся по всему дому.

– М-ского полка... второй дивизии – прапорщик Метелкин, – говорит офицер.

– Вы, вероятно, с нами откусаете? – спрашивает барыня.

– С удовольствием, – отвечает офицер, – и все садятся за стол.

– Ваша деревня очень живописна, – говорит офицер, проглатывая кусок.

– Да-с...

Раздаётся звон колокольчика, и через минуту является другой запыленный офицер.

– Второго N-ского пехотного батальона – прапорщик Мочалкин!

– Не угодно ли вам с нами откушать?

Мочалкин садится за стол и проворно набрасывает на колена салфетку.

– Вы, должно быть, из Петербурга? – спрашивает хозяйка.

– Нет, из Москвы, – сухо говорит офицер, осушая рюмку водки.

– Не взывайте! – говорит хозяйка. Все поднимаются.

Новый гость подходит к углу и начинает подвязывать саблю.

– Как, вы уже отправляетесь? – спрашивает дочь барыни.

– Поспешаю догнать товарищей.

Вскоре звенит колокольчик.

– Вы не танцуете? – спрашивает барышня оставшегося офицера.

– Нет, я сейчас уезжаю...

– По крайней мере, – просит грустным тоном барышня, – напишите мне что-нибудь в альбом.

Она приносит альбом, и офицер пишет:

*Для любви одной природа
Нас на свет произвела. w*

Он подвязывает саблю и тоже уезжает...

Никуда не езжу; ученики все читают. Сегодня был у меня становой по поводу моей школы.

– Вы не имеете права основывать школ, – говорил он, – покажите мне предписание.

– Но ведь учат же грамоте сельские дьячки?

– Да, – сказал становой, – но эти учителя, кроме псалтыря, ничего не смыслят... Вы упускаете из виду наши высшие соображения...

Пришлось помочь одному семейству, где вопияло зло из-за рубля.

Был в поле; пахал мужик... вились кое-где вороны... все было грустно, одиноко вблизи стоял дремучий лес, какая-то тихая жалость от песней шумевших деревьев. О чем говоришь ты, прекрасный лес? или плачешь ты? Но он все шумит, никому ничего не говоря; героев ли ты каких оплакиваешь, или всю нашу родную сторону?

В наших окрестностях живут следующие три сестры девицы.

Утро. Девицы в белых пеньюарах сидят и зевают: одна держит роман и посматривает на себя в зеркальцо; другая смотрит в окно; а третья лежит на диване, подложив руки под голову. Лакей с угрюмым лицом стоит у двери и говорит:

– К чаю пожалуйте.

– Не отправиться ли нам сегодня за клубникой? – лениво говорит одна.

Другая декламирует:

И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем...^{2}

– Куда же девался поручик Астафьев? – спрашивает третья.

Лакей отвечает:

– Астафьев на Кавказ давно уехали.

– От кого ты слышал?

– Это верно, сударыня...

Длится молчание. Горничная приносит газеты.

– Вечная скука!.. пишут о хлебных ввозах..., о торфе...

Одна закуривает папироску и говорит, пуская дым:

*– Кто меня враждебной властью
из ничтожества воззвал?..^{3}*

Тихо шуршат листы по комнате...

– К чаю пожалуйста! – нетерпеливо говорит лакей.

После чаю девицы все в саду. Одна сидит на скамейке, потягивается и говорит как бы про себя:

– Ах, теперь бог знает куда уехала бы... в Италию... в Швейцарию. Отчего это к нам никто не едет? – Она задумывается и поет: «Спи, ангел мой, спи, бог с тобой».

Другая идет по аллее, щелкая листьями. Появляется мать.

– Maman! вы читали «Le Nord»^{4}?

– Особенного ничего... – говорит мать и уходит.

– Кушать пожалуйста! – говорит лакей.

– Итак, он не воротится, – тихо рассуждает третья, гуляя по дорожке. – Отчего грозы так давно нет? хочется грозы. Антон! пришли мне стакан воды. (Она садится.) Какая тишина!..

– Какая это у тебя книга, ma shere? [1]

– Все «Маркиз»...

По саду щебещат птицы, повсюду райская тишина...

– Что ж это никто не едет? – повторяет одна.

– Барыня гневаться изволят, – замечает лакей.

Завтрак идет так: девицы не садятся за стол; они продолжают гулять по комнатам, изредка подходя к столу и дотрогиваясь вилкой до маленького кусочка, который потом несъеденным лежит где-нибудь на окне.

После завтрака девицы в платьях находят-ся в своей комнате: кто над кроватью, кто над стулом читает. Одна сидит в креслах, положив ноги на ближайший стул.

Упорное молчание, только на улице ревет корова.

– Кушать пожалуйста! – говорит лакей.

Все молчат. Лакей пожимает плечами.

– Дай мне карандаш... – тихо говорит одна; другая молча дает...

– Вот седьмую страницу перевертываю и сама не знаю, что я прочитала, – говорит третья с глубоким вздохом.

– Ах, *какая* скука!.. у меня ужасно болит го-

лова... – Она закрывает глаза.

– Оттого, друг мой, что ты нагнувшись читаешь.

– О чем это люди пишут, хлопчут? Не пойму никак...

– Кушать пожалуйста!

– Je vous assure [2], ни прогрессам этим, ни новизнам, при всей доброте души моей, ей-богу, не сочувствую... tout ca m'est bien egal... [3]

– Помилуйте, mon ami [4], кто ж этого не понимает? Да возможно ли в нашем положении это сочувствие? Что для меня такое – грамотность вводится? Негров хотят освободить? Дороги, канал какой-нибудь проводят?

– Я, – говорит другая, держа перед собой книгу, – в отношении ко всем этим вещам глуха, слепа и нема.

Продолжает читать. – Настает молчание. Одна говорит, качая ногой:

– Что так жадно глядишь на дорогу...^{5}

– Кушать подано!

– Кажется, гром гремит, – с радостью гово-

рят все. – Антон! гром гремит?

– Точно так: туча здоровая валит оттудова. Две подходят к окну; сверкает молния.

– Барышни! – кричит вбежавшая горничная, – какой-то молодой человек приехал.

– Кто? откуда?

– Из Петербурга... Все несутся в зал.

Молодой человек раскланивается; начинаются толки о прогрессе, о Петербурге и пр...

Июль... Все по-старому... Опять был становой. Везде неурядица; все досадуют на жизнь, провалиться хотят... Чего-то ждут, будто в дорогу собираются... Каждый день бедность... Кругом все глухо... непробудно...

На днях видел следующую деревенскую сцену: у нашего крыльца стояли две телеги с огромными клетками, в которых сидели куры, индейки и гуси; вокруг клеток были прикреплены деревянные желоба с зернами; птицы кричали и пели. В избе моего хозяина сидел мещанин и спрашивал, не продается ли что? Кто показывал старую рубаху, кто ловил под печкой кур. В избу вошел мужик и сказал, что он продает двух цыплят.

– Поздние? – спросил мещанин.

– Да, молодые.

– А где они у тебя содержались?

– Иногда на дворе, иногда в избе, – сказал мужик.

– Когда ты говоришь в избе, гляди сюда: какая же им должна быть цена? ведь все это издохнуть должно, поколеть?

Мужик был озадачен; хотел что-то говорить, но не мог.

– А вот зипун не купишь ли?.. – спросил он, раскрывая полы своей одежды.

– Ну, не знаю! Это товар-то плёвый!..

Вошла в ветхом армяке старушка и сказала, обратившись к курятнику:

– Не купишь ли, родной, у меня гусыню избеную?..

– Опять избеную! – сказал курятник.

– Только, – начала старуха, – я тебе что хочу сказать: есть у ней порок: раз Ванюша, мой сынок, рубил что-то в избе, а эта гусыня и подвернись... Он ее!

Старуха посмотрела на курятника.

– Голову, что ли, отрубил?

– Сохрани бог! – сказала старуха, – только два переточка отсек...

– Ну, это дурацкая гусыня!.. – воскликнул курятник и вышел на улицу, где встретил большую толпу баб и мужиков; кто держал пеньку, холстину, кто цыплят и уток, кто даже привел теленка.

– Телят я не покупаю: а что этот стоит?

– Что уж дашь... – говорили ему.

– Маловат больно...

– Ты что ж дашь, значит? Нам вот на подушное...

– Трехрублевый, пожалуй...

– Ермил Андроныч! Этому телку уж год...

– Что там! пустой теленок! – сказал курятник. – Ты послушай меня, ты знаешь, почему ноне скотина?

– Почему?

– Поди спроси на базаре! Ну, вы что?

– Ермил Андроныч! у меня есть свинья.

– Небойсь дорога? – спросил мещанин. – Ты понимаешь человека благородного? Вот как от души, сейчас помереть: неужели ты думаешь, что я нуждаюсь в свинье? Что я такое? Наше ремесло куры? Ладно! веди свинью...

– Ермил Андроныч! не хочешь ли, у меня кобыла есть?

– Постой, – сказал курятник, – тыобрази: что я, цыган, что ли? Неужели, промышляя курами, я должен нацеплять к своему возу целый табун лошадей?

Вскоре завизжали свиньи, и курятник купил всё. Севши на воз, он сказал:

– Так-то, братцы!

А некоторые из мужиков говорили между собой:

– Куда ж податься-то!..

Я уезжаю... Прощай, деревня!.. Лежи больной... вся надежда на твой организм...

– Прощайте, добрые люди! – сказал я хозяину и его семье.

– Что же ты, родимый, уезжаешь от нас? – заговорила семья.

– Да! живите себе...

– Верно, служба тебя требует?

– Нет, у меня службы нет... Я буду без дела...

Я стоял у притолоки и хотел что-то сказать, но только выговорил:

– Прощайте!

– Прощай, кормилец!

Дорогой пошел дождь; я едва доехал до станции. Я сидел у окна и смотрел вдаль.

На горе стояла мокнувшая деревенька, словно заливавшаяся слезами...

1862

Примечания

Моя милая? (фр.)

[^^^]

Уверяю вас (*фр.*)

[^^^]

3

Все это мне безразлично... (*фр.*)

[^^^]

Друг мой (*фр.*)

[^^^]

Комментарии

1

Намычка – расчесанная кудель.

[^^^]

2

«И жизнь, как помотришь с холодным вниманьем...» – цитата из стихотворения М. Ю. Лермонтова *«И скучно и грустно...»* (1840).

[^^^]

3

«Кто меня враждебной властью из ничтожества воззвал?..» – цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Дар напрасный, дар случайный...» (1828).

[^^^]

«*Le Nord*» – издававшаяся в Брюсселе газета, которую субсидировал крупный русский откупщик Кокорев.

[^^^]

5

«Что так жадно глядишь на дорогу...» – цитата из стихотворения Н. А. Некрасова «Тройка» (1846).

[^^^]